

СЛИШКОМ ДОРОГИЕ КОВРЫ

А. АХМЕДЗЯНОВ

И СПОКОН веков представление об Иране (Персии) связывалось с коврами. Самые красивые и самые дорогие в мире ковры производились во все времена здесь. И сейчас их экспорт является второй после нефти статьей во внешней торговле страны.

Магазины и салоны-выставки по продаже ковров расположены на самых красивых улицах Тегерана. Строится единственный в своем роде в целом мире музей, где будут выставлены образцы изделий иранских ковроткачей, начиная с ковра, найденного на Алтае в Пазырыкском кургане (IV век до н. э.) советским археологом С. И. Руденко, и до самых последних, «модерновых», с ультрасовременным рисунком, изготавливаемых по заказу западных туристов.

В Иране царит настоящий культ ковра. Почти в каждой фирме на полу в приемной ковры, ступать по которым кажется кощунством. Даже в жилище человека небогатого вы непременно увидите, пусть не очень дорогой, но ковер, не говоря уж о домах состоятельных тегеранцев, украшенных коврами, каждый из которых стоит тысячи. В шахских дворцах за подбором ковров следит специальная служба.

От того, что ковров в Иране много, ценность их нисколько не падает, а, наоборот, с каждым годом возрастает. Только в 1972 году цены на ковры поднялись на 40 процентов. Покупка хорошего ковра — крупное событие, к которому готовятся не один год. Совершается она с участием всех членов семьи, родственников и друзей-знатков (впрочем, каждый перс считает себя специалистом по коврам). Приобрести ковер — все равно что отдать деньги в рост. Это надежное помещение капитала.

Ковры обладают удивительным свойством украшать помещение, если даже в комнате, кроме ковра, никакой мебели нет. И нужно отдать дань природному умению персов подби-

рать для каждой комнаты — в зависимости от назначения ее, освещения и размеров — свой, подходящий по узору и цвету ковер. Помнится, в Боджнурде, на востоке Ирана, пришлось нам как-то заночевать в доме государственного служащего. Он ввел нас в роскошно, как нам показалось, обставленное помещение, где лежал громадный, во весь пол, пурпурный ковер с голубым растительным орнаментом. Только на другой день, оглядевшись, мы поняли, что, кроме ковра, там ничего и не было.

Чем ковер старше, тем дороже ценится. Дороже потому, что у старого ковра в результате длительного пользования ворс, как правило, весь ровный, как бы «подстриженный» временем. Можно наблюдать поражающие европейца способы заставить ковер выглядеть «старее» и, следовательно, «солиднее», применяемые торговцами.

Тегеран — самый крупный центр по торговле коврами. Из всех провинций страны сюда свозят десятки тысяч ковров самых различных стилей и качества. На одном только знаменитом старом базаре, представляющем собой целый город с сотнями улочек, в лабиринте которых может разобраться лишь истинный тегеранец, насчитывается более двух тысяч ковровых магазинов и складов. В темных проходах ковровых рядов (торговцы специально избегают яркого света, чтобы не блекли краски ковров) под ноги базарного люда брошены роскошные ковры, иные из которых стоят столько же, сколько американский автомобиль последней модели. По коврам проходят тысячи, десятки тысяч ног, едут мотоциклисты, катят свои тележки многочисленные торговцы фруктами, овощами, сладостями. Это самый быстрый и самый легкий способ добиться того, чтобы ковер выглядел старым.

Рассказывают такой случай. Лет десять назад иранские торговцы коврами решили «открыть» для себя американский рынок. Но из этого в то время ничего не вышло. Американцы не хотели покупать персидские ковры. Однако нет худа без добра. Иранские купцы, приехавшие в США, обнаружили, что в лавках, торгующих старьем, можно за бесценок купить иранские ковры XIX века — еще викторианского пе-

риода. Так из продавцов они превратились в покупателей. На этих коврах, вывезенных из Америки, немало людей составили состояние, выручая за отдельные экземпляры до 10 тысяч долларов.

Некоторые торговцы пускаются на недозволенные приемы: подвергая новые ковры химической обработке, искусственно добиваются того, что ковры «стареют». Однако подобный метод ведет к тому, что «преждевременные старички» быстро «лысеют», и обман обнаруживается.

Естественно, возникает вопрос: какой ковер считать старым? По утверждению специалистов, продолжительность жизни высококачественного ковра достигает 600—700 лет. Пазырыкский ковер, о котором говорилось выше, относится ко временам древних ахеменидских царей Кира и Дария. Ковер этот, хоть и пролежал в земле более двух тысячелетий, дошел до нас в сравнительно неплохом состоянии. Но он относится к числу уникальных.

Чтобы сделать ковер долговечным, к шерстяной пряже добавляют шелк. В Голестанском дворце шахов, превращенном теперь в музей, можно увидеть ковры, вытканые целиком из шелка. Такие ковры чрезвычайно дороги, производство их занимает несравненно больше времени и, как правило, стоит ткачихе зрения. Поэтому в наше время шелковые ковры — большая редкость.

Однако долговечность ковра — не самое главное из его качеств. Прежде всего ценится красота. Есть ковры, само название которых стало легендой. Арабские хроники рассказывают о «ковре Хосрова» — последнего сасанидского царя, империя которого пала под натиском арабских завоевателей в 651 году. Иранцы считают его непревзойденным. «Ковер Хосрова» размером более семи тысяч квадратных футов, по свидетельству хроник, висел в зале аудиенций сасанидских царей. На нем был выткан сад: плодовые деревья, цветы, птицы, тропинки в траве. Рисунок был усыпан драгоценными камнями. Легенды повествуют, что, когда арабы разбили войска Сасанидов и захватили Иран, завоевателям нечем было расплачиваться с войнами, и тогда ковер разрезали на семь тысяч частей и раздали им вместо жалованья.

Ни один кусок «ковра Хосрова» не сохранился, имеются лишь описания очевидцев. Иранские ковроткачи пытались воспроизвести его по этим описаниям, но пока безуспешно.

Другая знаменитость — «ковер шаха Аббаса», сотканный в XVI веке, при его жизни. По густо-красному фону расходится богатый растительный орнамент золотистых оттенков, перемежающийся пальмовыми листьями бирюзового цвета. В центре ковра помещен исключительно точно выполненный портрет самого шаха. Над ковром трудились пять девушек в течение трех лет. По преданию, присматривала за работой одна из жен шаха. Легенда сохранила имя человека, выполнившего рисунок ковра и портрет. Им был некий Мохаммед Хан.

Период Сефевидов в Иране характеризовался расцветом всех искусств. Сказалось это и на ковроткачестве. «Ковер шаха Аббаса», которому сейчас 400 лет, возглавляет список очень редких, но все еще встречающихся сефевидских ковров. Так же, как и картинам кисти великих художников прошлого, сефевидским коврам нет цены. За ними охотятся коллекционеры всего мира. За «ковер шаха Аббаса» (он находится в частном владении) один французский коллекционер три года назад предложил 15 миллионов франков. Перс-владелец отказался продать ковер — как сообщил журнал «Иран трибюн», из чувства патриотизма.

У Солеймана Гути, большого знатока ковров и обладателя бесценной коллекции, хранится другой сефевидский ковер, известный под названием «Четыре времени года». В нем 35 квадратных метров. Сам Гути называет его «хвалебной одой прошлому Ирана» — его поэтам, правителям, чьи портреты в овальных медальонах, выполненные с изумительной тонкостью и схожестью, размещены по краям ковра. Такой ковер, конечно же, должен храниться в государственном музее. Он слишком стар, слишком красив и слишком дорог, чтобы подвергать его риску в частном хранении.

Сенсацию в мире любителей ковров вызвал так называемый султанабадский ковер, выставленный в ноябре 1971 года на аукционе в Лондоне. «От роду» ему лишь 36 лет. Известен он тем, что был одним из 22 ков-

ров, заказанных в Иране в 1937 году Гитлером для берлинской рейхсканцелярии. Ковер огромных размеров — 1000 квадратных футов — и весит более полутонны. Он не вмещался ни в один автомобиль, и на аукцион его несли по лондонским улицам около 20 носильщиков.

Ковер был соткан в районе города Арак. Ткали его восемь ковроткачей в течение семи лет. Когда наконец они закончили свою работу, заказчику было не до ковров — гитлеровский режим разваливался под ударами Советской армии. Тогда ковры отправили на хранение в Швейцарию. Организатор лондонского аукциона фирма «Риппон, Босуэлл энд компани», характеризую «султанабадский ковер», писала, что он является самым большим ковром со времен XVI—XVII веков. Ковер соткан по лучшим сефевидским образцам и копирует их рисунок. Сходство настолько полное, что даже специалист не смог бы установить его истинное происхождение.

Фирма «Риппон» запросила за ковер 100 тысяч фунтов стерлингов, но покупателя не нашлось: ведь «султанабадский ковер» — всего лишь копия сефевидского ковра, хотя и отличная копия. Последняя ставка на аукционе поднялась «только» до 11 500 фунтов стерлингов, ковер был снят с торгов и отправлен на хранение «до лучших времен».

И в сегодняшнем Иране умеют делать прекрасные ковры. Во время торжеств, связанных с 2500-летием иранской государственности, каждому главе иностранного государства, прибывшему на празднества, был преподнесен ковер с его портретом. Это лучшие образцы современного иранского ковроткачества. Работа над ними велась под руководством трех известных мастеров, представляющих три школы ковроткачества: исфаганца Голама Али Хагиги, мастера из Кашана Незама Афсари и тебризца Джалила Джадари.

Исфаганские и кашанские ковры роскошны и изысканны по рисунку, тебризские известны своей прочностью. Если изготовление исфаганского ковра занимает, допустим, пять лет, то на изготовление ковра такого же размера в Тебризе уйдет всего лишь шесть месяцев. Объясняется это тем, что исфаганские ткачи, пользующиеся

более высококачественной пряжей, вяжут узлы пальцами, в то время как тебризцы применяют для этого особые крючки. И еще одно различие, несомненно, сказывающееся на качестве ковров: в Исфагане и Кашане ковроткацкое искусство — занятие женское, а в Тебризе им занимаются и мужчины.

Знамениты своими коврами и такие города, как Нанн, Шираз, Керман, Хамадан. Непосвященный не всегда увидит те нюансы, которые отличают ковры из этих городов от исфаганских или кашанских. Для большинства людей, даже иранцев, и те и другие в равной степени прекрасны.

Одним из главных стимулов для развития ковроткачества в Иране служит экспорт. Персидские ковры пользуются большим спросом в ФРГ и Швейцарии. Мировым центром по их сбыту стал Цюрих. Здесь даже созданы специальные «банки», куда иранские купцы сдают свой товар при падении спроса или в период неустойчивости мировых валют — что в наше время не такое уж редкое явление — и терпеливо выжидают более благоприятной ситуации. Как правило, терпение их вознаграждается.

Крупными центрами ковротковли являются Мюнхен и Бонн. Ковры — главная статья западногерманского импорта из Ирана. На рейнских берегах оказалось много ценителей персидских ковров. Иных уже не устраивают «ординарные», как они выражаются, ковры, что выставлены в магазинах. Во время туристических поездок по Ирану богачи из ФРГ, осматривая сефевидские дворцы и мечети, фотографируют на цветную пленку понравившийся им узор купола или настенную роспись и заказывают через маклера ковер по этому образцу. Это очень дорого, но такие ковры — изделия высшего класса.

За последние два-три года невиданно вырос экспорт персидских ковров и за океан. По мнению некоторых иранских экспортёров, США уже обгоняют ФРГ на этом поприще. В гостинице «Уолдорф-Астория» регулярно устраиваются ковровые аукционы. Украшать свои салоны персидскими коврами стало очень модно среди американских любителей восточной экзотики.

Популярно коллекционирование ковров и в самом Иране.

Популярно в среде богачей, разумеется. Увлечение это, прямо скажем, очень и очень дорогое, ибо обычный хороший ковер стоит от тысячи до пяти тысяч долларов.

Пожилые тегеранцы рассказывают, что в дни их молодости, лет этак пятьдесят назад, коврами торговали вразнос. Немногочисленные торговцы развозили свой товар на ослух и были счастливы, если за день им удавалось сбыть один-два ковра. Сегодня их наследники поражают своих эмоциональных соотечественников роскошными «Кадиллаками» и «Мерседесами». Торговля коврами стала самым прибыльным бизнесом после операций с землей и ростовщичеством.

Мы говорили о красоте ковров, о торговле коврами, об их рыночной цене. Какова же их подлинная стоимость? Как делается ковер, кто его ткёт? Во что обходится это создателю его, ткачу?

Прежде чем ткач приступит к работе, он должен иметь перед собой образец узора, который предстоит выполнить. Эта работа, заслуживающая названия труда художника, всегда была прерогативой мужчин. Художники, как правило, были самоучками, и только несколько лет назад в Исфагане открылась Школа изящного искусства, где есть особый класс для подготовки специалистов по ковровым рисункам. Если художник своим мастерством заслуживает признания среди ковроткачей, то он обретает право ставить где-то в углу ковра свое имя.

Мотивы для узоров выбираются самые разнообразные: растительный орнамент, изображение живой природы, сцены из дворцовой жизни, портреты правителей, прославленных поэтов, копии миниатюр, иллюстрирующих известные поэтические произведения — «Шахнаме» Фирдоуси, «Голестан» и «Бустан» Саади и другие. Как видим, хотя Иран — страна мусульманская (а ислам запрещает изображение живых существ), в персидском искусстве наблюдаются значительные отклонения от догмы. Здесь сказалось влияние доисламской культуры, которая достигла большого расцвета в древнем и раннесредневековом Иране.

Но вернемся к исфаганской школе изящного искусства. В класс художников принимают

мальчиков-подростков. Долгими часами с поразительной усидчивостью выводят они контуры стилизованных листьев и цветов. К концу шестилетнего срока обучения, когда рука обретает твердость, лучшие рисунки воспроизводятся в красках и в полный размер на листах картона. Рисунки становятся образцами, с которых ткачи воссоздают узор на ковре. Некоторые образцы служат по многу лет. Хлеб у художника нелегкий. Учитель рисунка Хосаин Джазузаде рассказывал журналистам, посетившим Школу изящного искусства, что как художник по коврам он работает уже более 20 лет и все же еще не считает себя мастером этого дела.

По образцам художников в самой Школе изящного искусства и в соседней государственной ковроткацкой мастерской, расположенной в портале знаменитой исфаганской мечети «Шах-е масджед», на площади Шах, безвестные молоденькие мастерицы 12—18 лет ткуют ковры, которым нет цены. Этой мастерской дает заказы министерство шахиншахского двора. Ее ковры предназначаются либо для подарков высокопоставленным гостям шаха, либо для самого двора.

Девушки работают быстро. Руки мелькают так, что движения пальцев трудно уловить. Молнией сверкают ножи, срезающие концы узелков пряжи. Глядя на застывшего в восхищении иностранца, девушки обмениваются репликами, смеются. Внимание наблюдателей поощряет их. Впечатление такое, словно они не работают, а развлекаются. Время от времени раздаются глухие удары тяжелого металлического гребня — это после выведения ряда уплотняются узелки. Через каждые несколько рядов выступающие из общей толщины ковра шерстинки срезаются ножницами. В этой мастерской, поскольку выполняются особые заказы, условия оплаты выгодные, и девушки очень стараются. Ковры, которые они ткуют, имеют по 250—270 узелков на квадратный сантиметр. Без увеличения стекла узелки разглядеть невозможно. Не отвечающие экспортным стандартам ковры имеют 70—90 узелков.

Лучшими мастерами ковроткачества считаются девочки девяти-десяти лет благодаря тонким и чувствительным пальцам,

способности быстро, автоматически усваивать необходимые движения и запоминать краски и узоры. Им поручают работу над самыми высококачественными коврами. Из-за чрезмерного напряжения зрение у большинства мастериц ослабевает уже к 20 годам. Они остаются у станков, но им уже не доверяют тонкую работу. И еще один фактор делает детский труд притягательным для владельцев мастерских: детские руки — самая дешевая рабочая сила в стране.

Знаток ковров Солейман Гутти пишет: «Вдыхая целый день пыль от шерстяной пряжи, девочки заболевают туберкулезом. Из-за напряженной позы нарушается нормальное развитие позвоночника. В результате немало ткачих лишаются способности к деторождению».

Недавно в стране введен закон, запрещающий занимать в ковроткачестве детей моложе 12 лет. Однако даже закон не даст никакого эффекта, пока во многих областях страны существует глубокая нищета. «Именно эта нищета, — пишет журнал «Иран трибюн», — заставляет родителей толкать своих детей к ближайшему ковроткацкому станку».

Ковроткачество вошло почти в каждый крестьянский дом, стало серьезным подспорьем в семейном бюджете. Поэтому в условиях современной иранской деревни, где дети с раннего возраста помогают родителям вести хозяйство, практически невозможно запретить им работать за домашним станком. Это обстоятельство и используется посредниками и предпринимателями, чтобы обойти закон и заполучить дешевую рабочую силу.

Посредник дает семье заказ, предоставляет материал — пряжу и шелк и ссужает деньги под будущий ковер. Время от времени он навещается в дом и по мере продвижения работы увеличивает кредит, все больше втягивая семью в долги. Когда работа, длившаяся несколько лет, наконец завершена, подсчитаны все авансы и определена стоимость ковра, зачастую обнаруживается, что семья не только не получает ожидаемых денег, но и оказывается в долгу. Чтобы рассчитаться с заказчиком, она вынуждена немедленно брать за новый ковер. И крестьянские дети снова гнут спину.

Есть и другой способ обойти закон о детском труде — это ученичество. Во время посещения семейных ковровых мастерских в Кашане (здесь более 30 тысяч ковроткацких станков) на вопрос, почему за станками сидят семи-восьмилетние дети, нам ответили, что это ученики. Закон не запрещает держать учеников. Им можно вполне легально платить 40—50 риалов в день и в то же время заставлять работать по восемь-десять часов (обычно молодой ковроткач 12—18 лет получает в день, по неофициальным данным, 100—120 риалов, мастер — до 300 риалов).

И как бы ни старалась крестьянская семья, она на «ковровом бизнесе» не разбогатеет. Заказчик и перекупщик прибегают ко всяческим уловкам, чтобы обсчитать крестьянина, причем вполне «законно». В том же Кашане, к примеру, он пользуется правом «25-процентной скидки». Как правило, заказчик приобретает ковер у ткача, оплачивая стоимость по частям, в виде ссуд. Но если он рассчитывается авансом, вперед, ткач обязан сделать ему скидку в 25 процентов. Почти во всех случаях ткач соглашается на это, ибо всегда нуждается в деньгах. Широкие возможности «узаконенного» обчета ткачей открывает старинный способ обмера готового ковра. Ткач изготавливает свой товар в метрическом измерении, но заказчик при определенных условиях может пользоваться мерой «зарье», равной 108 сантиметрам. При этом ткач лишается почти десятой части заработка.

В ковроткацких районах крестьянская девушка, выходя замуж, как правило, несет в дом мужа ковроткацкий станок — символ обманчивой иллюзии возможной обеспеченности. И хотя иллюзия всегда остается иллюзией, она, не угасая, передается из поколения в поколение, от родителей к детям, подерживаемая постоянной надеждой бедняка на лучшую долю. Создается новая семья — и она входит в новую кабалу. Все повторяется сызнова: процветает посредник, богатеет фирма, экспортирующая ковры, а на долю создателя шедевров остаются долги и болезни. Вот она, цена персидского ковра.